

В. ВЕРЕСАЕВ

1

В. ВЕРЕСАЕВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ПЯТИ ТОМАХ

1
ТОМ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
МОСКВА • 1961

Вступительная статья,
подготовка текста и примечания
Ю. У. Бабушкина.

На фронтисписе:
портрет В. В. Вересаева
работы Н. А. Андреева. 1923.

В. ВЕРЕСАЕВ

(1867—1945)

Редкое творческое долголетие выпало на долю В. Вересаева: шестьдесят лет проработал он в литературе. И каких лет! Он был «сопутником»¹ М. Горького, современником В. Гаршина и В. Короленко, А. Чехова и Л. Толстого, он был и нашим современником, современником М. Шолохова, А. Твардовского, Л. Леонова... Крах народничества, три русские революции, русско-японская, империалистическая, гражданская и Великая Отечественная войны, исторические свершения социализма... Как говорил сам писатель, прошлое не знало «ничего подобного тому бешеному ходу истории, подобно курьерскому поезду мчавшемуся, который на протяжении моей сознательной жизни мне пришлось наблюдать»².

В. Вересаев не всегда верно оценивал происходящие события. Но ему была свойственна поистине тургеневская чуткость к новому в общественной жизни — он искренне загорался настроениями дня, и этот жар его души отливался в произведения, которые современники по праву называли летописью русской общественной жизни конца XIX — начала XX века. И, как это ни парадоксально, чуткость к новому сочеталась у В. Вересаева с удивительной «нерушимостью взглядов». 24 октября 1889 года В. Вересаев записал в дневнике: «...пусть человек во всех кругом чувствует братьев, — чувствует сердцем, невольно. Ведь это — решение всех вопросов, смысл жизни, счастье... И хоть бы одну такую искру бросить!»³. И он остался верен этой заповеди навсегда. Сочетание столь, казалось бы, противоречивых качеств было, однако, у В. Вересаева органично, именно оно определило победы и поражения в творчестве писателя, его слабости и его силу.

¹ А. М. Горький. Письма к писателям и И. П. Ладыжникову. «Архив А. М. Горького», т. VII, М., 1959, стр. 123.

² Рукописный отдел Института мировой литературы (ИМЛИ) имени А. М. Горького.

³ Здесь и далее при ссылках на личный дневник В. Вересаева указывается только дата записи. Дневник хранится у В. М. Нольде (Москва), племянницы и литературного секретаря писателя.

Викентий Викентьевич Смидович (Вересаев — это его псевдоним) родился 4/16 января 1867 года в семье тульского врача, в семье трудовой, демократической, но религиозной. Его отец, Викентий Игнатьевич, воспитывал детей на лучших произведениях родной литературы, заставлял «читать и перечитывать» Пушкина и Гоголя, Кольцова и Никитина, Помяловского и Лермонтова. Проводя лето в крохотном имении родителей Владычня, В. Вересаев пахал, косил, возил сено и снопы — отец стремился привить детям уважение к любому труду, ибо «цель и счастье жизни — труд» («Воспоминания»).

Политические же взгляды Викентия Игнатьевича были весьма умеренными. Нарастание революционной ситуации в России после поражения царского правительства в Крымской войне, народничество с его верой в крестьянскую революцию, рост рабочего движения в стране — все эти характерные знамения второй половины XIX века проходили мимо дома Смидовичей. Либеральные реформы и истая религиозность — вот те средства, с помощью которых, по мнению Викентия Игнатьевича, можно было создать всеобщее благоденствие.

На первых порах сын свято чтит идеалы и программу отца. Его дневник, а еще больше первые литературные опыты красноречиво об этом свидетельствуют. В стихах, а именно поэтом он твердо решил стать еще в тринадцать-четырнадцать лет, юный лирик звал следовать «трудною дорогой» «без страха и стыда», защищать «братьев меньших» — бедный люд, крестьянство. Но «трудная дорога» и защита «братьев меньших» отнюдь не означали для него борьбы за изменение общественных условий.

В. Вересаев уже в гимназии чувствовал эту безоружность своих идеалов, и одной из главных тем его дневника становится вопрос: чем и для чего жить? Юноша занимается историей, философией, физиологией, изучает христианство и буддизм и находит все больше и больше противоречий и несообразностей в религии. Это был мучительный внутренний спор с непререкаемым авторитетом отца. Юноша то «положительно отвергает всю... церковную систему» (24 апреля 1884 года), то с ужасом отказывается от столь «безнравственных» выводов. И так мучался он не один месяц. «...Эти сомненья... Хочешь другой раз пулю себе в лоб пустить, чтобы раскрыть скорее заветную гайну. Я ни в какие чудеса не верю, я не верю, что за самоубийство — только за это — попадешь в ад, если бы он даже был... Я даже почти не верю в бессмертие души... Но как тяжелы эти сомнения!» (7 октября 1884 года).

Еще мальчиком, гостя у родственников-помещиков, потом в имении родителей, В. Вересаев с болью наблюдал то бесправное положение, в котором находились «загорелые, пахнущие здоровым потом, исполненные величавой надменности и презрительности к неработающим» крестьяне. «...Стыдно становится и не веришь глазам, что это возможно». Зарождалась «неистовая ненависть к самодержавию, возмущение его угнетением и злодействами» («Воспоминания»). Юношу поражает в этих простых, морально крепких и чистых людях отсутствие религиозного благочестия, которое до сих пор ему казалось синонимом нравственности. У Вересаева растет уверенность, что в религии нет спасения для людей, и поклонение богу сменяется бунтом.

благоговение сменяется сарказмом. «Цель сотворения человека — прославлять бога — так, кажется?.. Положим, я имел бы силу творить, или возьмем пример более удобно-понятный — положим, у меня есть дети: начну я с ними обращаться как бог с людьми. «Зачем живу я?» — спросит меня мой сын. «Для того, чтобы мне угодить, прославлять меня, трепетать передо мною — вот цель всей твоей жизни. Я тебя так бесконечно люблю — отплати и мне такой же любовью, не то... засажу тебя туда, куда и ворон костей твоих не занасивал». Не правда ли, какая искренняя, бескорыстная любовь!» (30 июня 1884 года).

Уже в эти годы зарождается у Вересаева мечта об обществе людей-братьев, целью жизни становится «любовь, — любовь ко всем без исключения, всех обнимающая, никого не устраниющая: нет недостойных любви» (24 октября 1889 года). Тут еще много от христианского всепрощения. Но надежда на религию как на средство достижения этой цели разлетелась в прах, а другого средства не виделось. Вересаев исполнен ненависти к крепостному праву, видит свой долг в отстаивании интересов народных масс, в основном крестьян, но идеал его отвлечен, хоть и демократичен, ни на какие реальные социальные силы он не опирался.

Полный тревог и сомнений, отправляется В. Вересаев в 1884 году учиться в Петербург, поступает на историко-филологический факультет Петербургского университета. Там, он верит, будут найдены ответы, без которых жизнь бессмысленна.

В Петербурге еще была свежа в памяти эпоха полного господства народников в освободительном движении страны, их популярность в среде студенчества оставалась довольно значительной. И Вересаев со всей самозабвенностью молодости отдается народническим теориям, с ними связывает надежды на создание общества людей-братьев. Он, как и его ближайшие товарищи, студенты Петербургского университета, с увлечением читает статьи лидера народничества Н. К. Михайловского, организует кружок, где жарко спорили не только на литературные и моральные темы, но и на темы общественные.

Но «в начале 80-х годов окончился героический поединок кучки народовольцев с огромным чудовищем самодержавия»¹. 1 марта 1881 года народовольцы-террористы убили царя Александра II. Первая решительная попытка осуществления террористической программы русского народничества была одновременно и первым практическим доказательством ее тщетности. Царское правительство перешло в наступление. Ликвидируется высшее женское образование, усиливается гонение на студентов. «Народная воля» разгромлена. «Самодержавие справляло свою победу, душило и топтало все, что где-нибудь хоть немного смело шевельнуться. Наступили черные восьмидесятые годы. Прежние пути революционной борьбы оказались не ведущими к цели, новых путей не намечалось. Народ безмолвствовал. В интеллигенции шел полный разброд»². Настроение «бездорожья» охватило ее большую часть.

¹ Неопубликованная лекция В. Вересаева о М. Горьком, хранится у В. М. Нольде.

² Там же.

Правда, в 80-е годы достигает сокрушительной силы сатира М. Е. Салтыкова-Щедрина; своими очерками о деревне протестует против бесправия народа Глеб Успенский; усиливаются обличительные тенденции в творчестве В. Гаршина; о стремлении даже самых последних бродяг к «вольной волюшке» рассказывает В. Короленко. Но в большинстве своем отчаявшаяся и растерявшаяся русская интеллигенция отказывается от общественной борьбы.

В России «ширилась проповедь «малых дел». «Идеалом общественной деятельности» становилась «сельская учительница, несущая народу «свет знания» — в тех пределах, которые разрешал становой пристав». Прежнее революционное народничество «принимало... пассивную окраску», высказывались даже мысли, что «устроение жизни на социалистических началах возможно и под игом самодержавия» («Воспоминания»).

И Вересаев, всегда проверявший любую теорию тщательным анализом, Вересаев, еще совсем недавно счастливый оттого, что обрел «смысл жизни», разочаровывается в беспочвенных народнических прожектах и одновременно во всякой политической борьбе. «...Веры в народ не было. Было только сознание огромной вины перед ним и стыд за свое привилегированное положение... Борьба представлялась величественною, привлекательною, но трагически бесплодною...»¹. «Не было перед глазами никаких путей», — признавался писатель в мемуарах. Неотступной становится мысль о самоубийстве.

С головой уходит студент В. Вересаев в занятия и пишет, пишет стихи, прочно замкнутые в круге личных тем и переживаний. Лишь здесь, в любви, думается ему теперь, возможна та чистота и возвышенность человеческих отношений, о которой мечтал начинающий писатель. Да еще в искусстве: оно, как и любовь, способно облагородить человека.

Написанный в 1887 году рассказ «Загадка» на первый взгляд мало чем отличался от стихов юного поэта: тот же молодой герой со своими чуть грустными, чуть нарочитыми раздумьями, не идущими дальше, казалось бы, сугубо личного и интимного. Однако писатель не случайно именно с «Загадки» исчислял годы жизни в литературе, именно ею открывал свои собрания сочинений: в этом рассказе были намечены основные темы и идеи, волновавшие В. Вересаева в первое десятилетие его литературной деятельности. Писатель славил человека, способного силою своего духа сделать жизнь прекрасною, спорил, по сути дела, с модной философией Н. Минского, философией отчаяния. «Счастье в жертве» — эта «чудовищная мораль», утверждавшаяся в стихах Минского, захватила в те мрачные годы многих. Смысл его поэтических проповедей столь же прост, как и ужасен: «Не раздумывай над тем, нужна ли твоя жертва, есть ли в ней какой смысл, жертва сама по себе несет человеку высочайшее, ни с чем не сравнимое счастье», а в итоге таких жертв «мир... устанет от чрезмерности мук, захлебнется в крови, утомится борьбой — и по этой причине обратится к любви» («Воспоминания»). В. Вересаев же доказывал, что истинное

¹ Советские писатели. Автобиографии в двух томах, т. 1, Гослитиздат, М., 1959, стр. 230.

счастье в борьбе, призывал не терять веры в завтрашний день: «Пускай нет надежды, мы и самую надежду отвоюем!»

Вместе с тем в «Загадке» дали себя знать и заблуждения, свойственные раннему В. Вересаеву. Прежде всего идущее от былых народнических убеждений преувеличение роли интеллигенции в борьбе за лучшее будущее. Показательно, что в рассказе преобразует мертвую природу и делает ее «осмысленной» и близкой людям музыкант своим искусством. В. Вересаеву все еще кажется, что искусство — одно из немногих средств превращения человека в Человека.

Как и в «Загадке», в первых произведениях, следовавших за ней, тему борьбы за человеческое счастье, за большого и прекрасного человека, тему борьбы со всем, что мешает утвердиться такой личности в жизни, В. Вересаев решает в плане морально-этическом. От попытки социального решения проблемы он пока далек, а потому, даже черпая из жизни факты откровенно социального, политического звучания, в своих первых рассказах осмысляет их в аспекте морально-психологическом.

Так произошло с «Порывом» (1889).

17 ноября 1886 года Петербургский союз студенческих земледельцев решил организовать на Волковом кладбище панихиду по Добролюбову. Среди пришедших почтить память человека, отдавшего жизнь борьбе с самодержавием, был и В. Вересаев, хоть отец и предостерегал его всячески от какого-либо участия в «политике». На площади перед кладбищем толпу студентов остановила полиция. И Вересаев поклялся говарищей. Позже писатель сурово осудил себя за это. В мемуарах он вспоминал: «Ничего в жизни не легло у меня на душу таким загрязняющим пятном, как этот проклятый день». А рассказ «Порыв», по свидетельству автора, опирающийся на случай у Волкова кладбища, назывался первоначально «Предатель». И при всем том подлинного смысла своего поступка, смысла своих разногласий с отцом В. Вересаев тогда еще не понимал. Разногласия отца и сына в рассказе отнюдь не носят социально-политического характера, фабула «Порыва» не имеет ничего общего с событиями 17 ноября. Сын без разрешения родителей бросился на помощь мельнику: вода, прорвавшая плотину, вот-вот поглотит его хозяйство. Отец не может простить сыну этого, с его точки зрения, бессмысленного геройства, сын, в свою очередь, восстает против обывательского благоразумия отца. Вот, собственно, и все. Тема решительно переведена в морально-этический план.

Переделка общества с помощью одного лишь искусства либо морального совершенствования людей — надежда не менее иллюзорная, чем ставка на религию. Но писатель не сдался на милость реакции, как это сделали его товарищи по университету: он оставался верен своему идеалу общества людей-братьев.

Годы 1888—1894 В. Вересаев, уже кандидат исторических наук, провел вдали от центров России — в «тихом Дерпте», на медицинском факультете местного университета, куда поступил, чтоб изучить «биологическую сторону человека, его физиологию и патологию; кроме того, специальность врача давала возможность близко сходитья с людьми самых разнообразных слоев и

укладов»¹, — все это, по мнению В. Вересаева, было совершенно необходимо настоящему писателю. Но, наезжая из Дерпта в Петербург, бывая у родственников в Туле или Екатеринославской губернии, он приглядывается к тем из сверстников, кто равнодушно растоптал, как «затасканную ветошку», свои бывшие идеалы, «прекрасно устроился» «и такого исполнился уважения к себе, что едва узнает товарищей» (20 января 1890 года). С капитуляцией русской интеллигенции В. Вересаев мириться не мог, и он берется за перо. «Мораль будет печальная: «идея» всякая хорошая — захватана грязными руками, пути все потеряны, тоска без просвету и надежды, «гибнущие», «торжествующая свинья...» (25 августа 1890 года). Этот замысел оформился в рассказ «Товарищи» (1892), в котором писатель повел речь о постыдной жизни «честных, симпатичных» интеллигентов, у которых «все назади осталось»: и мечты о подвиге, и «молодость, и вера, и идеалы». Все эти «бездеятельные, позорные» годы «сердце спало, мысль довольствовалась готовыми ответами и ни разу не шевельнулась самостоятельно. И дальше то же будет». А они ведь когда-то тоже учились, думали, искали... «И все это для того, чтобы здесь, где так нужны люди, только пьянствовать, сплетничать и жалеть, что не у кого научиться играть в карты». Они, «товарищи», сложили оружие перед жизнью, В. Вересаев дрался, хоть и весьма туманно представлял себе перспективу борьбы. И в «Товарищах», повествуя о деградации русской интеллигенции, он сосредоточивает свое внимание на моральном ее оскудении, оставляя в стороне политическую ее капитуляцию, место ее, роль и задачи в общественной борьбе России. И все же активная, воинствующая позиция писателя резко отличала его от основной массы интеллигенции тех лет, хнычущей или довольствующейся счастьем мещанина. Упорные поиски ответов на вопросы, чем и как жить, все ближе и ближе подводили В. Вересаева к истине. Если в «Загадке» и «Порыве» лишь ощущаются отголоски волнующих настроений времени, то с начала 90-х годов заявленная им в «Товарищах» тема судеб русской интеллигенции, ее заблуждений и надежд получает новое решение — писатель заговорил об общественном «бездорожье».

«Без дороги» (1894) — повесть итогов пережитого и передуманного. В ней В. Вересаев окончательно определился и как художник. Это отповедь поколению, «ужас и проклятие» которого в том, что «у него ничего нет». «Без дороги, без путеводной звезды оно гибнет невидно и бесповоротно...»

Повесть написана в форме дневника молодого врача Дмитрия Чеканова — страстная исповедь человека, пережившего иллюзорные мечты о служении народу и не сумевшего претворить их в жизнь. Он отказался от научной карьеры, от обеспеченного и уютного дома, бросил все и пошел на земскую службу. Земское начальство невзлюбило гордого и независимого доктора, и он «должен был уйти, если не хотел», чтобы ему «плевали в лицо». Нелюбовь начальства можно бы и пережить. Трагедия Чеканова в том, что он осознал бесплодность пути, избранного им: его деятельность и деятельность подобных ему подвижников мало что меняла в положении народа, который, привыкнув

¹ Советские писатели. Автобиографии в двух томах, том 1, Гослитиздат, М., 1959, стр. 231.

ненавидеть барина, отвечал Чекановым недоверием и глухой враждебностью. «Я только обманывал себя «делом»; в душе все время какой-то настойчивый голос твердил, что это не то, что есть что-то гораздо более важное и необходимое, но где оно? Я потерял надежду найти». Больной туберкулезом, сломленный и растерявшийся, мечется Чеканов по жизни, не находя применения своим силам. И когда газеты принесли вести о катастрофическом распространении холерной эпидемии, он отправился на борьбу с нею. Чеканов уже не верит в народнические басни о просветительной работе среди народа, с помощью которой якобы можно коренным образом улучшить его жизнь, не верит в спасительную силу «малых дел». Он просто истомился бессмысленным своим существованием, просто не мог сидеть сложа руки, когда темные и забытые трудовые люди России бедствовали, он пошел «в самый огонь навстречу грозной гостье», может быть, навстречу смерти. Второй поход Чеканова «в народ» коренным образом отличается от первого: иллюзии были позади, никаких надежд на будущее, это был скорее шаг отчаяния, свидетельство краха всего, во что верил, чему поклонялся. Вторая часть повести, рассказывающая о борьбе с холерой в Слесарске, доказывает это со всей очевидностью. Несмотря на самоотверженную работу Чеканова, связанную порой с риском для жизни, народ в массе своей ни в коей мере не проникается гуманистическими идеалами честных интеллигентов, хуже того: он видит в них своих врагов. Символичен конец Чеканова: избитый толпой, одинокий и отчаявшийся, герой умирает.

Повестью «Без дороги» В. Вересаев опровергал беспочвенные верования народников в «природную революционность» русского мужика, в святую миссию интеллигенции, призванной повести за собой крестьянство на слом существующего социального строя. Изображение прожектерского характера программы народников было тем убедительнее, что героем явился человек, неспособный на компромиссы, неспособный на сделки с совестью, человек большого ума и сердца. Он предпочитает смертельно опасную дорогу обывательскому благополучию (герои «Товарищей», жившие, кстати, в том же Слесарске, поступили по-иному). Но если даже такие люди, как Чеканов, теряли веру в будущее, то, значит, программа, которой они хотели руководствоваться в своей деятельности, никуда не годилась.

В повести «Без дороги» В. Вересаев рассчитывался не только с народническими иллюзиями, но и с недавними собственными. Гаврилов из повести — это отчасти вчерашний В. Вересаев, только Гаврилов недавние смутные чаяния В. Вересаева превратил в стройную программу и тем самым довел их до логического конца. Он ненавидит общество, построенное «на крайне ненормальных отношениях», спокойно и безбедно живущее трудом голодного народа. Он мечтает, чтобы господа сумели «возвыситься до идеи... слиться с народом и прийти к нему на помощь, как брат к брату». А ликвидировать «крайне ненормальные отношения» и эксплуатацию народа, по-видимому, можно живым примером «уважаемых в городе людей», надо лишь получше убедить этих, «уважаемых», «пригласить к себе в дом три-четыре нищих семьи, поселить их здесь,

кормить, поить и обучать» — словом, «братски разделить обиженными свой дом, стол, всё». Подобный почин обязательно «найдет подражателей» — и все бедствия уничтожатся разом.

Может быть, и не в такой наивной форме, но В. Вересаев чуть раньше Гаврилова тоже рассчитывал на морально-этические пути преобразования общества. В повести же писатель заклеивал их как «карикатурно убогую... программу». И это был второй, чрезвычайно значительный итог идейных исканий автора «Без дороги».

В повести окончательно определяется основная тема многолетнего творчества В. Вересаева: судьбы русской интеллигенции и ее поиски путей борьбы за народное освобождение. Обращение к проблемам большого и актуального социального звучания, начиная с «Без дороги», становится характерной особенностью писателя. Складывается вересаевский метод изображения действительности.

В юношеских стихах характер лирического героя раскрывался В. Вересаевым почти исключительно через отношение к девушке или к религии. И высшим критерием в оценке человеческой личности являлась способность или неспособность к большой любви, к святой преданности богу. В повести же «Без дороги» основной аспект в изображении характеров героев — уяснение их мировоззрения, а оценивается человек в первую очередь по той роли, которую он играет в борьбе за лучшую жизнь простых людей России.

Именно поэтому «славный старик с интеллигентным лицом», страстно интересующийся наукой, врач Николай Иванович Ликонский получает в конечном счете убийственную характеристику. Он мещанин, на деле абсолютно равнодушен к горестям народным. И напротив: Наташа потому предстает самым светлым образом в повести, что, несмотря на провинциально-обывательские увещевания родных, несмотря на мертвящий скептицизм поучений Чеканова, упорно продолжает искать свое место в общественной жизни страны.

Размышляя над судьбами русской интеллигенции, над судьбами страны, В. Вересаев в повести «Без дороги», как и в других, более поздних своих произведениях, старался прочно держаться фактов жизни. Он шел от реальных событий собственной биографии: в «Порыве», в «Товарищах» опирался на свои впечатления от встреч с бывшими однокашниками по Петербургскому университету. Повесть «Без дороги», кроме прочего, вобрала в себя наблюдения, накопившиеся у молодого писателя в 1892 году, когда он отдыхал в имении своего дяди под Тулой, а потом работал по борьбе с холерной эпидемией на руднике близ Юзовки. Твердая опора на реальные события жизни не случайна у В. Вересаева. Здесь был принцип, много позже сформулированный так: «Нужно настойчиво, не уставая, искать подходящего человека — на улице, в театре, в трамвае, в железнодорожном вагоне, пока не найдешь такого, который совершенно подходит к воображаемому тобою лицу» («Записки для себя»).

Его произведения не только художественны, но и документальны, по ним изучали русскую жизнь, историю борьбы народа за свое освобождение. В. Фигнер рассказывала: заключенные в

Шлиссельбургской крепости из попавшей к ним повести «На повороте» узнали, что Россия стоит накануне революции. А В. И. Ленин в «Развитии капитализма в России», анализируя процесс обезземеливания крестьянства, сослался на рассказ В. Вересаева «Лизар» как на убедительный пример из жизни русской деревни.

Изображение человека, когда главным в его характеристике становится мировоззрение, влечет за собой целый ряд своеобразных стилевых особенностей. В. Вересаев отказывается от любовной интриги, а ведь чаще всего основные персонажи его повестей и рассказов — молодежь. Все внимание сосредоточено на идейных исканиях героев. Излюбленная форма вересаевского повествования — диалог, жаркий спор героев о жизни, о политике, о проблемах социально-экономических.

Итак, В. Вересаев окончательно освободился от надежд на те тропинки к правде, которые предлагали народники, он показал своей повестью, что тропинки эти на поверку вовсе и не тропинки, а тупики. О марксистах в повести ни слова, но много лет спустя В. Вересаев говорил, что во время работы над «Без дороги» он «ненавидел марксистов»¹. Что же исповедовал писатель?

В. Вересаев высмеял программу действий Гаврилова, высмеял предлагаемый им путь морального усовершенствования общества, но сама идея общества людей-братьев, так настойчиво проповедуемая Гавриловым, писателю по-прежнему дорога. Страницы дневника В. Вересаева полны горечи оттого, что критика упорно не хотела замечать этой его заветной мысли, зато отзыв безвестного автора в журнале «Русская мысль» (1895, № 10) вызвал истинное ликование. А «Русская мысль» писала следующее: «Герой повести г. Вересаева — весь любовь к людям. Он любит не только народ (эта любовь довольно абстрактная); он любит всех Иванов, Павлов, составляющих народ, любит своих больных, с невежеством которых борется, любит даже тех, которые его убивают. Он просто любит человека со всеми его достоинствами и недостатками, со всеми его высотами и низменностями». Отзыв этот В. Вересаев переписывает в свой дневник как первую глубокую и точную оценку повести «Без дороги». А от себя добавляет: «Сколько счастья дала мне судьба в эти последние месяцы, — и в заключение еще это! Самою заветною и затаенною мечтою моею было когда-нибудь заслужить такой отзыв, — ведь в этом вся суть, все счастье! Сегодня весь день у меня глупые слезы подступают к глазам и хочется плакать» (20 октября 1895 года). И неспроста же «проповедник-фанатик» Гаврилов, чья программа «карикатурно убога», кажется человеком «из другого мира, далекого и светлого», неспроста же Наташа считает, что «он лучше всех», а Чеканов чувствует себя рядом с ним просто «мелким и жалким».

Конечная цель, к которой В. Вересаев звал людей, осталась прежней, но все предлагавшиеся русской действительностью в начале 90-х годов средства изменения жизни были категори-

¹ В. Вересаев, Избранные произведения, Госиздат, М.-Л., 1928, стр. 31.

чески отвергнуты писателем. В этом смысле он тоже остался «без дороги». Вслед за Чекановым он мог бы воскликнуть: «Я не знаю! — в этом вся мука». «Истина, истина, где же ты?..» — фраза из дневника стала мрачным вопросом жизни В. Вересаева начала 90-х годов.

Этой мыслью он жил в Дерпте, эта мысль не оставляла его в Туле, куда он приехал практиковать после окончания Дерптского университета в 1894 году; с этой мыслью он отправился в том же году в Петербург, где устроился сверхштатным ординатором в Барачную больницу в память Боткина. В. Вересаеву необходимо было найти те реальные общественные силы, которые смогли бы претворить в жизнь его идеалы.

Еще в повести «Без дороги» он рассказал о деревенском парне Степане Бондареве, тянущемся к знанию, ставшем первым помощником Чеканова во время холерной эпидемии. В. Вересаев видел, что и в среде интеллигенции появляется молодежь, которую, как и Чеканова, не удовлетворяют «малые дела», но которая верит, что истинная дорога есть, не отчаивается и упорно, страстно ищет эту дорогу. Такова Наташа. В финале именно Степан и Наташа стоят у постели умирающего Чеканова: за народом и передовой интеллигенцией будущее — большего автор пока сказать не умел, роли рабочего класса он тогда еще не понимал. О многом говорит одна деталь: когда в 1892 году В. Вересаев заведовал холерным бараком на юге России, лучшим его помощником был некий Степан Бараненко, он-то и явился прототипом образа Степана Бондарева. В жизни Степан был шахтером, в повести он стал «деревенским парнем». С крестьянством и интеллигенцией продолжает связывать мечты о завтрашнем дне писатель. И здесь, конечно, ниточка тянется к былым народническим убеждениям автора.

Но наиболее точные ответы на мучившие В. Вересаева вопросы дала опять-таки жизнь. «Летом 1896 года вспыхнула знаменитая июньская стачка ткачей, всех поразившая своею многочисленностью, выдержанностью и организованностью. Многих, кого не убеждала теория, убедила она, — меня в том числе», — писал он в автобиографии. — «Общественное настроение было теперь совсем другое, чем в 80-х годах. Пришли новые люди — бодрые и верящие. Отказавшись от надежд на крестьянство, они указывали на быстро растущую и организующую силу в виде фабричного рабочего, приветствовали капитализм, создающий условия для развития этой новой силы. Кипела подпольная работа, шла широкая агитация на заводах и фабриках, велись кружковые занятия с рабочими, яро дебатировались вопросы тактики». И ему, так страстно искавшему этих бодрых и верящих людей, «почуялась огромная прочная новая сила, уверенно выступающая на арену русской истории»¹. В. Вересаев находится «в близких и разнообразных сношениях с рабочими и революционной молодежью»², помогает агитационной работе ленинского «Союза борьбы за освобождение

¹ Советские писатели. Автобиографии в двух томах, т. 1, Гослитиздат, М., 1959, стр. 232.

² Там же.

рабочего класса»: в больничной библиотеке, которой он заведовал, был устроен склад нелегальных изданий; в его квартире «происходили собрания руководящей головки» организации, печатались прокламации, в составлении их он сам принимал участие («Воспоминания»). Новое революционное учение становится для него «самым дорогим»¹.

Он первым среди крупных русских писателей обратил внимание на движение революционеров-марксистов и поверил в него. В. Вересаеву кажется, что он наконец-то обрел истину. И повесть «Без дороги» получает продолжение — рассказ «Поветрие» (1897). Та самая Наташа, которая не отставала от Чеканова с вопросом «Что мне делать?», теперь «нашла дорогу и верит в жизнь». Наташа не согласилась с братом, что эпоха «блестящих, великих дел» безвозвратно миновала, что единственный удел для любящих народ — «малые дела». Она повала с обывательским миром родных и отправилась искать истину, на которую махнул рукой Чеканов. Четыре года странствовала по свету, «пришлось пережить немало», но зато теперь от нее так и веяло «бодростью, энергией и счастьем», теперь она знала, что ей делать: она пошла с революционерами-марксистами. Как и для самого В. Вересаева, для нее превратились во врагов прекраснодушные интеллигенты вроде Сергея Андреевича Троицкого с его любовью помечтать о светлом времени, когда люди станут братьями; стали врагами и выродившиеся народники: им «доставляет... нравственное удовлетворение» организация артелей, где кустари — недавние крестьяне — «должны жить между собою по божьей правде». Большого они придумать уже не в состоянии. Вместе с Наташей В. Вересаев приветствует развитие промышленности в России, вместе с нею он радуется: «Вырос и выступил на сцену новый глубоко революционный класс».

Но как раз этот революционный класс, его дела и думы остались за пределами рассказа. Мы не узнаем, как пришла к революционной программе переустройства общества Наташа, мы не видим и самих борцов-рабочих. «Поветрие» — даже не столько рассказ, скорее статья, написанная в форме диалога, спора представителей борющихся лагерей интеллигенции. Сам писатель объяснял это тем, что «показать представителей молодого поколения в действии было по тогдашним цензурным условиям совершенно немыслимо». Но дело, видимо, не только в этом. А. Н. Толстой очень верно замечал: «...Понять, освоить политически еще не значит освоить художнически»². А «Поветрие» было первой в России попыткой освоить марксизм средствами художественной литературы. И уже в этом огромная заслуга Вересаева.

Вслед за «Поветрием» В. Вересаев пишет целую серию рассказов о крестьянстве. В них он с высоты завоеванной позиции оглядывается назад, дает новую для себя оценку роли и положения крестьянства в стране: об идеализации крестьянства нет теперь и речи.

¹ Письмо В. Вересаева к В. А. Поссе от 31 августа 1900 года. Рукописный отдел ИМЛИ имени А. М. Горького.

² А. Н. Толстой. О литературе. Статьи, выступления, письма, «Советский писатель», М., 1956, стр. 143.

Большинство крестьянских рассказов трактует различные социально-экономические тезисы марксистской науки: «Лизар» посвящен процессу обезземеливания крестьянства, «В сухом тумане» — перераспределению сил между городом и деревней. «Об одном доме» написано явно в пику народникам: община — одно из средств закабаления крестьянина, одна из причин его быстрого разорения. Причем порой рассуждения автора по социально-экономическим вопросам просто перемежались примерами — случаями из крестьянской жизни, что делало рассказы несколько назидательными. Это было тем более неоправданно, что и возница Лизар, «молчаливый, низенький старик», с его страшной философией «сокращения человека» («Лизар»); и литейщик, бросивший родную деревню в поисках заработка, лишенный семьи и простого человеческого счастья («В сухом тумане»); и герои рассказов «К спеху», «Об одном доме» — все они сами, без авторских комментариев, достаточно убедительно доказывали, что процесс разорения крестьянства, классового расслоения в деревне идет в России в полную силу, а люди — искалечены. В дальнейшем, при переизданиях рассказов, В. Вересаев сокращал публицистические куски.

Но вместе с тем для писателя, столь откровенно тяготеющего к проблемам социально-мировоззренческим, вполне логичным было обращение к прямому публицистическому слову. В. Вересаев ищет такой жанр, где эти, казалось бы, разнородные элементы — публицистика и собственно художественное описание — совместились бы органически.

Так он приходит к «Запискам врача» (1895—1900). Они «дали мне такую славу, которой без них я никогда бы не имел», — писал В. Вересаев в «Воспоминаниях». Жанр их необычен. Рассказ ведется от первого лица, основные вехи биографии героя почти полностью совпадают с биографией самого В. Вересаева. Его герой, как и сам автор, «кончил курс на медицинском факультете», затем «в небольшом губернском городе средней России» занимался частной практикой и, поняв, что для самостоятельной работы еще не подготовлен, уехал в Петербург учиться: устроился в больницу «сверхштатным». Многие рассуждения героя, эпизоды дословно переписаны из личного дневника писателя 1892—1900 годов. Как будто ясно: перед нами дневник, жанр, довольно часто встречающийся в литературе. Да и В. Вересаев, задумывая книгу, собирался назвать ее «Дневником студента-медика». Он настойчиво возражал против восприятия ее как чисто художественного произведения — «сухое описание опытов, состоящее почти сплошь из цитат, занимает в моей книге больше тридцати страниц». Но, с другой стороны, какой же это дневник, если сам писатель всячески подчеркивал: «В беллетристической части «Записок» не только фамилии, но и самые лица и обстановка — вымышлены, а не сфотографированы с действительности». Пожалуй, наиболее точное определение их жанра — публицистическая повесть. В ней органически объединились художественные зарисовки, элементы очерка, публицистики и научной статьи. В этом отношении В. Вересаев развивал традиции шестидесятников, традиции народнической литературы, которая, особенно очерками Гл. Успенского, утверждала подобный синтез. Но идейное

наполнение старой формы было в «Записках», естественно, качественно иным.

В книге этой снова возникает излюбленная вересаевская тема — история «обыкновеннейшего, среднего» трудового интеллигента, история о том, как формировалось его мировоззрение. Однако «Записки врача» — новый шаг в решении наиболее близкой и дорогой В. Вересаеву темы. В «Без дороги» и «Поветрии» убеждения героев складывались в спорах, идущих в узком кругу интеллигенции. В «Записках» писатель скрупулезно показал и доказал, что сама логика жизни превращает всякого честного и ищущего интеллигента в революционера. Интеллигент В. Вересаев впервые столь решительно вышел на просторы жизни и ужаснулся бесправному положению народа, классовому неравенству, деградации общества, где «бедные болеют от нужды, богатые — от довольства».

Страдающему от головокружения и обмороков мальчишке — сапожнику Ваське — врач вынужден прописывать железо и мышьяк, хотя на самом деле единственное спасение для него — вырваться «из... темного, вонючего угла», каким была «мастерская, где он работает». А «прачке с экземою рук, ломовому извозчику с грыжею, прядильщику с чахоткою», «стыдясь комедии, которую разыгрываешь», приходится говорить, «что главное условие для выздоровления — это то, чтобы прачка не мочила себе рук, ломовой извозчик не поднимал тяжестей, а прядильщик избегал пыльных помещений». «...Оказывалось, что медицина есть наука о лечении одних лишь богатых и свободных людей. По отношению ко всем остальным она являлась лишь теоретической наукой о том, как можно было бы вылечить их, если бы они были богаты и свободны».

Герой начинает понимать классовую природу общества, начинает понимать, что для спасения людей необходимо «прежде всего бороться за устранение тех условий, которые делают» молодых стариками, которые фактически сокращают и без того короткую человеческую жизнь. Только тогда люди станут здоровыми и счастливыми. Но поначалу эта борьба с «грозным чудовищем» представляется ему чисто профессиональной борьбой: «Мы, врачи, должны объединиться» для совместных действий. Он еще надеется, что общество образумится и станет в равной мере заботиться о всех своих гражданах. Иллюзия наивная, и жизнь беспощадно опровергает ее. «Прижатые к стене» бедняки протестуют против гнета, рабочие бастуют. А встреча с революционером-рабочим в финале повести заставляет вересаевского интеллигента окончательно убедиться, что он заблуждался. «Выходом тут не может быть тот путь, о каком я думал. Это была бы не борьба отряда в рядах большой армии, это была бы борьба кучки людей против всех окружающих, и по этому самому она была бы бессмысленна и бесплодна». Лишь коренной слом существующего общественного строя, лишь социальная революция способна изменить условия жизни; рабочий-революционер — вот тот, кто сумеет наконец осуществить заветные идеалы человечества, — таков результат тех идейных исканий, к которому пришел герой «Записок врача», а вместе с ним и автор. Правда, литейщик по меди, появляющийся лишь в одном, хоть и кульминационном, эпизоде, ни словом не обмол-

вился о своей революционной деятельности. Автор только глухо намекнул на нее, подчеркнув, что харкающий кровью рабочий, не щадя себя, трудится за двоих: днем на заводе, а вечером либо «по делам бегают», либо книги и газеты читает. Пролетарий предстал в повести не столько полнокровным человеческим характером, сколько схематичной фигурой, олицетворенным аргументом, долженствующим убедить интеллигента в необходимости всенародной борьбы против существующего.

Это пока была робкая попытка в овладении образом нового героя, но он уже уверенно входил в произведения В. Вересаева, и это было завоевание принципиальное.

Именно в конце 90-х — начале 900-х годов заметно меняются и представления В. Вересаева о роли и значении искусства. В «Прекрасной Елене» (1896) и «Матери» (1902) он, как и в «Загадке», отстаивает могучую силу художественного образа, облагораживающего и возвышающего человека. Но в рассказе 1900 года «На эстраде» появляется еще и новый, весьма существенный мотив. «Загадка» стремилась уверить читателя в том, что по большей части именно искусство делает жизнь осмысленной и прекрасной. «На эстраде» прямо полемизирует с этим заблуждением: счастье искусства — ничто в сравнении со счастьем жизни — «в жизни оно гораздо более шероховато и более жгуче»; только то искусство оправдывает свое назначение, которое помогает борьбе, и, напротив, оно становится чаще всего прямо-таки вредным, коль скоро выливается в простую гамму «чудных звуков», в «наслаждение», усыпляющее жизненную активность человека. Писатель бросал вызов эстетическим принципам декадентов.

А написанная в 1901 году повесть «На повороте» окончательно убеждала, что марксизм для В. Вересаева отнюдь не был «поветрием». В рассказе о Наташе он приветствовал новое учение и с его позиций оценивал народничество; в «Записках врача» писатель показал, как сама жизнь приводит людей в стан борцов пролетариата. В последней повести он уже сам атаковал противников нового учения — марксизма. Раньше в произведениях Вересаева, в общем, шел теоретический спор, здесь, в повести «На повороте», — баррикадный бой. Меняется сам принцип изображения человеческого характера. Народники Чеканов и Киселев были политическими банкротами, но они изображались людьми субъективно честными, искренне «сострадающими» горю народа. Читатель не всегда мог до конца понять авторское отношение к персонажам «Без дороги» и «Поветрия». Недаром идеолог народничества Н. Михайловский воспринял повесть «Без дороги» как вещь чрезвычайно ему близкую и всячески поддерживал ее. Недаром критика тех лет при оценке «Поветрия» приходила к выводу, что «симпатии автора... далеко не на стороне марксистов»¹.

Теперь же В. Вересаев просто не в состоянии понять, как можно быть хорошим человеком и не помогать той великой борьбе за светлые идеалы общества людей-братьев, которую

¹ В. Ф. Боцяновский, В. В. Вересаев. Критико-биографический этюд, СПб, 1904, стр. 16.